

УДК 165.192 : 81'42

Б. М. Лепешко

*д-р ист. наук., проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Цель работы – осмысление трех взаимосвязанных проблем: 1) как характеризуется понятие «дискурс» в контексте исследовательских практик современного гуманитарного научного поиска; 2) какие основные проблемы ставятся и решаются учеными, особенно в связи с использованием определения «междисциплинарный», т. е. что означает словосочетание «междисциплинарный дискурс»; 3) какие основные методики избираются исследователями в рамках решения поставленных исследовательских задач.

Сложно найти в современной гносеологической практике термин, который был бы настолько широк, не имел четко очерченных эпистемологических (в частности) границ, как «дискурс». Причем разночтения распространяются на многие параметры осмысления термина: от сущностных до характера перевода. Приведем пример. Сам термин в фундаментальной статье М. Можейко и С. Лепина переводится с латинского *discere* как ‘блуждать’, а вот О. Л. Михалева, известный российский специалист, полагает, что в основе дефиниции *discours* – речь, разговор, беседа. Соответственно, определения понятия различны. В первом случае это «вербально артикулированная форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной культурной традиции типом рациональности» [1, с. 233]. Во втором случае дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами: прагматическими, социальными, психическими и др. Текст, взятый в событийном аспекте. Речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент познавательных процессов и взаимодействия людей. Речь, “погруженная в жизнь”» [2, с. 3–4]. Конечно, можно сказать, что «вербально артикулированная форма объективации содержания сознания» – это и есть текст, но мы здесь легко попадаем в порочный круг: одно понятие определяется за счет содержания другого, другое основывается на похожих реминисценциях и т. д. Сами авторы определений отмечают неизбежность различных трактовок рассматриваемого понятия, поскольку есть дискурс как рефлексивная речевая коммуникация, как инструмент социальной критики, как лингвистическая аналитика и другие производные. Это фактор объективного порядка, затрудняющий понимание рассматриваемого термина. Есть, однако, и та противоречивая определенность, которая является следствием неразработанности понятийного аппарата. Скажем, есть понимание дискурса (самое распространенное) как текста, социального действия, компонента познавательных процессов. Это беседа, разговор. И эти квалификации справедливы с точки зрения специалистов, прежде всего в области филологии. Отметим, что даже в сфере филологического знания понимание термина «дискурс» не устоялось, общепринятого понимания дефиниции нет, чаще всего господствует извинительный тон при применении понятия: «как нам кажется», «возможно» и т. д. Понятие «дискурс», например, у одного из российских авторов выглядит следующим образом. Первый подход: это два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи. Второй подход предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте. Третий – дискурс как высказывание. И дальше:

«Эти определения подразумевают, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры “больше предложения”, а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализированных единиц употребления языка» [3, с. 86]. Понимание этого определения затруднено: неясно, в каком смысле употреблено слово «контекстуализированных», что означает выражение «единица употребления языка» и т. д.

Цитированная нами выше О. Л. Михалева, специалист в сфере дискурса, полагает возможным определить дискурс «как строй научной речи или язык научной школы – специфический характер описания, обсуждения и структурирования материала, опосредованный иноязычным употреблением» [2, с. 4]. Неясно в итоге, дискурс – это «язык научной школы», «строй речи», «текст» или все вместе взятое? Если обратиться за разъяснениями к текстам ученого, мы вообще с трудом сможем разобраться, что такое дискурс. Обилие трактовок не дает возможности сделать приемлемый вывод. Читаем, например, что дискурс – это вербальная коммуникация, это «текст плюс контекст», это «социальная система репрезентации», что дискурс всегда идеологически окрашен, он является «воплощенным в речи мироощущением» и многое другое. Получается, что понятие «дискурс» стало «всеядным», его используют многие представители различных гуманитарных дисциплин, но исследователю, обратившемуся к предмету исследования, от этого не легче.

Возможно, нам поможет обращение к конкретным гуманитарным наукам, в которых слово «дискурс» давно стало общеупотребительным (но от этого не более понятным). В праве данное понятие (наряду с другими терминами постклассической методологии права) системно представил глава Санкт-Петербургской школы профессор А. В. Поляков. Если мы обратимся, например, к учебному пособию «Общая теория права», написанному им совместно с Е. В. Тимошиной, то обнаружим основные дефиниции постклассической парадигмы правового знания, следующие важнейшие положения. Первое: перед нами новый тип рациональности, разработанный Э. Гуссерлем, и понимание системы категорий этого нового типа возможно только в их единстве. Этим можно объяснить различные варианты понимания специфики дискурса: от идей Фуко до дискурсивных сред Гийома. Второе: новый тип рациональности коммуникативен по сути. Отсюда важность таких категорий, как знак, дискурс, язык. Понимание феномена дискурса немыслимо без нового прочтения понятия «знак», а последовательность знаков называется «текстом». Причем текстом может быть все что угодно: мимика, жесты, движения регулировщика и т. д. Знак, текст, дискурс – это явления одного порядка, смысл им придает понятие более общего порядка – коммуникация. Третье: для школы А. В. Полякова дискурс не смыслообразующее понятие, это один из элементов того общего здания, которое выстраивается им и его сторонниками исходя из феноменолого-коммуникативной методологии. Далекое не случайно в списке терминов, венчающих цитируемое издание, слова «дискурс» вообще нет, а в тексте оно встречается разве что в качестве комментария к основным категориям [4, с. 425–427].

Развивая идеи А. В. Полякова, основную тему своей работы исследователь из Курганского университета Н. Г. Храмцова обозначила так: «Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения». Развитие темы осуществляется в рамках формулировки конкретных методик исследовательской работы. Здесь синонимами понятия «дискурс» выступают понятия «диалог», «коммуникация». Объект изучения – практика беседы. Автор ставит задачу «научить участвовать в процессе общения, понимать их (дискутантов. – Б. Л.), влиять на ход ведения беседы», что является «труднейшей зада-

чей обучения дискурсивно-коммуникативной компетенции» [5, с. 4]. Чтобы реализовать эту цель, необходимо изучать правовой дискурс как процесс диалогической (полилогической) продукции, процесс взаимодействия авторов. Отсюда дискурс понимается и как определенная методологическая структура, и как система методических рекомендаций. В рамках коммуникативной теории права упор делается на понимании правовой деятельности как исключительно дискурсивной (коммуникативной), основанной на динамичном изменении общественных отношений, феноменологичных по своей сути.

Таким образом, мы вправе сделать некоторые предварительные выводы. Один из них заключается в том, что нас не должно смущать обилие определений (вариантов) понятия «дискурс». Как дефиниция, рожденная прежде всего постклассической философской мыслью, она полностью соответствует одному из ключевых принципов этого типа размышлений: отказ от догматической формы, отказ от схоластики и признание того факта, что далеко не все понятия постклассической философии могут быть объяснены на языке классической философии. Грубо говоря, формально-логический аппарат мышления здесь востребован вовсе не в универсальном виде и форме. Кроме того, помним, что постмодернистская философия предпочитает определениям описания. Более того, как пишет Д. Э. Гаспарян, ссылаясь на точку зрения Ж. Лакана, «сознание есть глубоко бессознательный процесс» [6, с. 67]. Но если это так, то на первое место выдвигаются не содержательные, а формальные моменты размышлений, которых может быть бесчисленное множество, как и форм их интерпретаций.

Чтобы понять смысл дефиниции «дискурс», было бы целесообразным обратиться к мыслям Ж. Делёза по поводу основного приема размышлений Л. Кэрролла. В работе «Логика смысла» он пишет: «Прием Кэрролла состоит в том, что событие представляется дважды: один раз в предложении, где оно обитает, и другой раз в состоянии вещей, где оно неожиданно появляется на поверхности» [7, с. 51–52]. Сочетание различных состояний, с одной стороны, парадоксально, с другой стороны, представляет собой развитие одного и того же процесса. Дискурс концентрирует в себе противоречивое, динамично развивающееся знание, основанное на тексте. Причем понимание этого текста может быть самым различным: текст как внутреннее состояние, текст как личное противоречие и противоречие социальное, политическое, иное. Дискурс в каком-то смысле неопределяем – читателя (аналитика) ждет судьба человека, все время пытающегося решить какую-то сложную загадку. Причем он уверен, что ответ на загадку может иметь несколько интерпретаций. Дискурс – это текст? Да. Дискурс – это диалог? Да. Дискурс – это артикулированный элемент сознания? Пожалуйста. Т. е. все зависит от компетенций и интерпретации.

В этой связи нас не устроит какое-либо одно из определений термина «дискурс». В конечном итоге решение этой проблемы лежит в сфере компетенции самого человека, пытающегося согласиться с тем или иным определением. Мы же условно (для простоты изложения) будем рассматривать дискурс как понятие, лежащее в основе коммуникативной философии, интегративной философии, основанной на феноменологической методологии и являющееся одним из смыслообразующих понятий постклассической системы мира. Попробуем прокомментировать этот подход с помощью определения «междисциплинарный», т. е. рассмотреть понятие «дискурс» в аспекте его междисциплинарных связей.

«Междисциплинарный» – пожалуй, одно из самых распространенных определений применительно к дискурсу. Во многих статьях, монографических исследованиях словосочетание «междисциплинарный дискурс» употребляется как нечто само собой

разумеющееся, вроде того, что оно аксиоматично и не требует разъяснений. Если свети его к предельно упрощенной трактовке, то синонимом выступает привлечение когнитивных (но не только) ресурсов других гуманитарных наук к пониманию текста, того или иного текста. Например, очень авторитетный журнал «Правоведение», выходящий в Санкт-Петербурге, публикует материал «Современный философско-правовой дискурс: 21 Всемирный конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии» [8, с. 194–201]. Представлена панорама мировой философско-правовой мысли, ее основных проблем, тенденций и перспектив. Дан перечень основных докладов, представлены темы, отражающие приоритетные направления философии права. Но что интересно: комментарий по поводу термина «современный дискурс» вообще отсутствует. А ведь здесь возникает немало вопросов. Во-первых, если есть «современный дискурс», т. е., очевидно, и не современный, некие исторические формы дискурса. Какие именно? Во-вторых, в каком смысле здесь употребляется слово «дискурс»? Как «обзор», «перечень», что-то иное? Или речь идет о «вербально артикулированной форме объективации содержания сознания», как уже говорилось ранее? Возможно, ни то, ни другое, ни третье, поскольку закономерно возникает проблема «перевода» языка неклассической философии на язык классики? Очевидно, автор обзора и не ставил перед собой такой задачи, но для нас важно подчеркнуть априорную аксиоматичность термина. Недоказательную аксиоматичность.

Некоторые ответы на поставленные вопросы нам может предложить известный российский философ, юрист А. В. Поляков. По его мнению, контекст «междисциплинарного дискурса» достаточно широк. Речь идет о том, что «теория должна, как минимум, отвечать на запросы своего времени, как максимум – стремиться перейти границы своего хронотопа в пределах отведенного ей коммуникативного потенциала» [9, с. 26]. Любое знание легитимизируется в рамках всего комплекса наук, достижений гуманитарной мысли в целом. По мнению ученого, дискурс вообще порожден постоянной конкуренцией идей. «Дискурс – “сердцевина” научной коммуникации, это диалог, в ходе которого формируются новые и новые аргументы, меняющие конфигурацию теоретико-правовых построений. При этом резюмируется не только наличие разных точек зрения и подходов, но и существование того общего, что объединяет всех участников научной коммуникации и обуславливает саму ее возможность» [9, с. 26]. Т. е. существование «междисциплинарного дискурса» объективно в том смысле, что иным он просто быть не может. Дискурс не может быть ограничен какой-то узкой, локальной сферой знания. Он может быть понят как «полилог», т. е. диалог, в котором участвуют как минимум двое, но на деле это всегда более широкий контекст. В центр познания выдвигается интерпретирующий субъект, причем речь идет об использовании всего арсенала его познавательных средств: эмоций, разума, подсознательных стереотипов поведения и т. д. Именно поэтому круг проблем, который охватывает понятие «междисциплинарный дискурс», достаточно широк.

Возникает, правда, и другой непростой вопрос. Что нам дает в познавательном плане словосочетание «междисциплинарный дискурс»? Если аналогом выступает широкий гуманитарный диалог, то есть ли здесь что-либо революционное, благодаря чему мы можем существенно продвинуться на пути расширения знания? Достаточно давно и безо всякого междисциплинарного диалога теоретики оперировали понятиями «интегративность», «синкретизм» и т. д. Широко известны философско-правовые воззрения С. Яценко и Вл. Соловьева, не говоря уже о западной традиции. Термины «дискурс», «междисциплинарный дискурс» предельно неопределенны, в связи с чем мы свободны

в своем «интерпретационном своеволии». Возможно, как это и предлагает А. В. Поляков, следует обратить внимание на проблему в системном виде, т. е. говорить и о дискурсе, и о коммуникации, и о новой интегративности и т. д. Применительно к тому варианту «междисциплинарного дискурса», который предложил Санкт-Петербургский ученый, можно утверждать, что феноменолого-коммуникативный подход уже реальность, выразившаяся в целом ряде работ важного характера. Но есть резон и в замечаниях критиков того междисциплинарного дискурса, который чаще всего называют «бездумным». В качестве примера приведем мысли профессора И. Ю. Козлихина, который вовсе не отрицает важность обращения к опыту иных (кроме права) гуманитарных наук. Это психология, философия, история и т. д. «Еще раз подчеркиваю, что выступаю за взаимодействие между науками, взаимное использование достижений. Я против бессмысленного или вредного использования “чужой” терминологии, терминологии, сложившейся в иных науках и там имеющей свой особый смысл, но теряющей его при переносе на другую почву» [10, с. 40]. Можно добавить, что речь идет не только о «заимствовании» из других наук. Речь идет и о важности определения базисных для постмодернизма терминов в приемлемой интерпретации (для большинства исследователей). Хотя какие могут быть определения в аспекте предпочтения описаний определению?

Общепризнано, что в междисциплинарном подходе нет ничего. Критерий пользы один: новое знание должно углублять знание того предмета, который является объектом нашего интереса, а не всего комплекса привлекаемых наук. Иначе говоря, если мы рассуждаем о проблемах правового мышления в рамках герменевтической парадигмы, то для юриста интересен прежде всего правовой контекст, а уже затем контекст герменевтический. Но здесь важно остановиться на двух терминах: «междисциплинарный подход» и «междисциплинарный дискурс». Это синонимичные понятия или они существенно отличаются друг от друга? В отношении междисциплинарного подхода разногласий, как правило, нет. Так, например, авторы учебного пособия «Философия и методология науки» в одном из разделов подробно анализируют этот методологический феномен, говоря о собственно междисциплинарной системе знаний, трансдисциплинарной системе знаний и т. д. [11, с. 464–466]. С междисциплинарным дискурсом такой ясности не существует. И это понятно, поскольку междисциплинарный дискурс – категория постмодернистской философии, на которую распространяются многие основные характеристики данного типа умствования в целом. Если речь идет о языке изложения проблем, то большинство текстов, связанных с понятием «междисциплинарный дискурс», переполнены сложными и часто неясными фразеологическими оборотами, перегружены терминами, заимствованными из других наук. Возникает чувство, что есть «посвященные» и «непосвященные», понимающие и не очень. Конечно, такое чувство возникает не всегда. Допустим, тексты самого А. В. Полякова – это написанные ясным, понятным, «рационалистическим» языком фрагменты, которые говорят о пользе и важности как раз классической традиции и соответствующего образования. Да, часто форма, характер языка и постмодернистская философия – это одно и то же. Читая, например, Ролана Барта, где он рассуждает о дискурсе, не столько понимаешь, сколько додумываешь. Но, возможно, в этом и заключается смысл повествования? Вот текст Барта: «Дискурс, создавая персонажи, делает это не затем, чтобы играть с ними, чтобы добиться от них сообщничества, обеспечивающего непрерывный кодовый обмен: персонажи – это всего лишь особые типы дискурса, а дискурс, со своей стороны, – это персонаж, подобный всем прочим» [12, с. 265]. Не правда ли, возможность интерпретации данного отрывка является безбрежной, более того, такая возможность заложена в самом

авторском подходе, «темном», многосмысленном, вполне в гераклитовском духе. Говорить о преимуществах или недостатках такого подхода сложно с позиций классической парадигмы знания, да в этом и нет необходимости.

Можно ли использовать понятие «междисциплинарный дискурс» в контексте конкретного исследования, будь то исследование правовое, историческое или какое-либо иное? Вне всяких сомнений. Но здесь нужны некоторые оговорки. Во-первых, нам не избежать «помещения» новых, заимствованных терминов в контекст конкретных, реальных проблем. Ссылаясь на Э. Дюркгейма, российские авторы об этом пишут так: «Нельзя открыть законы реальности только путем конструирования таких понятий, они зачастую походят на покрывало, находящееся между нами и вещами. Они скрывают от нас реальность тем лучше, чем прозрачнее это покрывало нам представляется» [13, с. 6]. Во-вторых, разговор должен вестись на одном языке, весь вопрос лишь в том, на каком именно языке. Поскольку язык Р. Барта и Имре Лакатоса – это все же разные языки. Это особенно ясно видно при обращении к анализу тех или иных конкретных методов, методик исследовательского характера, к которым прибегают ученые. Точнее, в контексте нашего разговора, один ученый – Льюис Кэрролл.

Почему именно Льюис Кэрролл привлек наше внимание? И потому, что он один из столпов постмодернистской философии (хотя сам никогда не заявлял об этом), и потому, что он близок междисциплинарному дискурсу (языком, терминологией, многозначностью смыслов и т. д.). И потому, что он работал «на стыке» научных специальностей (логики, математики, психологии и др.), и потому, что вызывал неподдельный интерес многих современных ученых, работавших в области главных научных направлений прежде всего XX в. Попробуем выделить главное, что характеризует творчество Л. Кэрролла в части рассматриваемых нами проблем.

Первое: игра слов, букв алфавита, говоря языком Ж. Делёза, игра смысла и нон-сенса. Т. е. работы Кэрролла являются логическими и психоаналитическими одновременно. Отсюда важность такой логической формы, как парадокс. Прочитируем Ж. Делёза: «Здравый смысл утверждает, что у всех вещей есть четко определенный смысл; но парадокс – это утверждение двух смыслов сразу» [7, с. 9]. Вроде бы здесь нет ничего революционного: парадокс действительно основан на доказательности двух (как минимум) антиномичных суждений. Но Кэрролл не удовлетворен стандартными аристотелевскими категориями, для него парадокс фиксирует движение в двух и более направлениях, причем «отрабатывается» несколько смыслов этого движения. В этой связи знать работы Л. Кэрролла нельзя, трактовать однозначно – бессмысленно. Можно читать, помнить про Алису в Зазеркалье, но быть уверенным, что хитросплетения сюжета, его смысловую вязь вы адекватно поняли, сложно. Далекое не случайно Б. Рассел предлагал издавать сказки Кэрролла с грифом «Только для взрослых». Но тем самым мы фиксируем близость реминисценций Кэрролла духу постмодернистской философии.

Второе: следует обратить внимание на отход писателя, ученого от стандартов той логики, которую мы привычно называем аристотелевской, на его уверенность в том, что логика может быть и иной. Т. е. перед нами еще один признак междисциплинарного дискурса – использование данных наук (логики, философии, психологии и иных) не догматически, свободно (имея в виду процесс мышления). А чего стоит создание Кэрроллом собственного псевдонима, игра слов, букв? Он перевел на латынь свое имя «Чарлз», получилось «Карлус», перевел на латынь свое второе имя «Лютвидж» – получилось «Людовикус», переставил латинские имена – получилось «Людовикус Каролус» – и перевел их снова на английский язык. Так появился Льюис

Кэрролл [14, с. 4]. Главная особенность сочинений Кэрролла по логике не только в том, что он сформулировал некоторые важные идеи своей логики, собственного типа мышления. Главное заключается в том, что он привлек внимание к соотношению понятий «здравый смысл» и правила вывода заключения. Легко сделать вывод, если исходные данные (посылки) осмысливаются с точки зрения здравого смысла. А если нет? Например: «Ни оно ископаемое животное не может быть несчастно в любви // Устрица может быть несчастна в любви // Устрица – не ископаемое животное». Сегодня такая логика – это общее требование формально-логических построений, но во времена Кэрролла для доказательства подобного рода тезисов нужно было прилагать усилия, для этого была нужна эвристическая смелость.

Третье: еще характеристика междисциплинарного дискурса, в частности уверенность, что интерпретационные резюме могут быть столь же безукоризненными, как сложившиеся, имеющие характер общеупотребительности. Например, обращаясь к одному из правил построения силлогизмов, сформулированному Аристотелем, – из двух отрицательных посылок не следует вывод, Кэрролл говорит о «недостаточности» такого утверждения. Точнее, он приводит пример такого умозаключения («Ни один честный человек не мошенник // Ни один нечестный человек не заслуживает доверия // Ни один мошенник не заслуживает доверия») и выносит вердикт. Заблуждался не Аристотель, не знаменитые логики прошлого, пишет ученый. «С их точки зрения они абсолютно правы. Но в их системах содержатся далеко не все мыслимые формы силлогизмов» [15, с. 29]. В мире достаточно места и для сторонников Аристотеля, и тех, кто пробует развивать логические системы. Здесь, на наш взгляд, последовательно и четко выражается одна из важнейших характеристик междисциплинарного дискурса: границ эпистемологического характера не существует, как не существует «обязательного» перечня дисциплин, на которые исследователь может опереться.

Возможно, возникнет вопрос: чем может помочь та или иная трактовка междисциплинарного дискурса конкретному исследователю? Возможно, мы вообще обойдемся без этого термина? Тут весь вопрос в том, является ли для конкретного ученого, работающего в сфере такой методологии, приемлемой сама формула постмодернистской философии. Если да, то многие процессы, факты, подходы могут быть востребованы. Если нет, то ситуация совершенно иная. Нельзя не признать, что развитие научного аппарата применительно к неклассическому типу размышлений является важной задачей. Вопрос здесь разве что в том, чтобы сложность научного аппарата не становилась самоцелью, чтобы всегда на первом плане было главное: приращение знания, а не любовование стилистическими, художественными, интерпретационными ухищрениями.

И в заключение нельзя не сказать несколько слов об эпистолярном наследии мыслителя, поскольку опубликовано несколько томов писем детям, прежде всего маленьким девочкам, пересказывать которые – неблагодарная задача. Нужно лишь сказать, что в них также присутствует игра слов, смыслов, недоговоренность и «сверхдоговоренность», когда смещаются временные горизонты и будущее не кажется столь недосягаемым. И дети прекрасно понимали своего корреспондента. Это и к тому, что постмодернизм может быть понятен и близок, весь вопрос в масштабе личности и уровне мышления тех людей, которые берут на себя эту сложную задачу: раскрыть через парадокс (в частности) сущность вещей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Можейко, М. Дискурс / М. Можейко, С. Лепин // Постмодернизм : энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис : Кн. дом, 2001. – С. 233–237.
2. Михалева, О. Л. Дискурс как объект исследования [Электронный ресурс] / О. Л. Михалева. – Режим доступа: any-book.org/download54968.html. – Дата доступа: 31.03.2019.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
4. Поляков, А. В. Общая теория права : учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб., 2005. – 468 с.
5. Храмцова, Н. Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения / Н. Г. Храмцова. – Курган : Изд-во Курган. ун-та, 2012. – 179 с.
6. Гаспарян, Д. Г. Введение в неклассическую философию / Д. Г. Гаспарян. – М. : РОССПЭН, 2011. – 398 с.
7. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М. : Акад. проект, 2011. – 472 с.
8. Максимов, С. И. Современный философский дискурс: 21 Всемирный конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии / С. И. Максимов // Правоведение. – 2003. – № 6. – С. 194–201.
9. Поляков, А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации / А. В. Поляков // Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 26–43.
10. Козлихин, И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву / И. Ю. Козлихин // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 31–40.
11. Философия и методология науки : учеб. пособие / под ред. Ч. С. Кирвеля. – Минск : Высш. шк., 2012. – 639 с.
12. Барт, Р. SZ / Р. Барт. – М. : Акад. проект, 2009. – 373 с.
13. Гревцов, Ю. И. Юридикто-догматические химеры в современном российском правоведении / Ю. И. Гревцов, Е. Б. Хохлов // Правоведение. – 2006. – № 5. – С. 4–22.
14. Данилов, Ю. А. Предисловие / Ю. А. Данилов // Логическая игра / Л. Кэрролл. – М. : Наука, 1991. – С. 3–7.
15. Кэрролл, Л. Логическая игра / Л. Кэрролл. – М. : Наука, 1991. – 192 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.10.2019

Lepeshko B. M. The Interdisciplinary Discourse Major Issues and Implementation Methods

The purpose of the article is to comprehend three interrelated problems. First is a description of the concept of «discourse» in the context of those research practices that take place within the framework of modern humanitarian scientific research. Second is a combination of the main tasks formed and solved by scientists, especially in connection with the usage of the «interdisciplinary» predicate. In other words, what does the phrase «interdisciplinary discourse» mean? Third problem is a choice of the main methods in the framework of solving the scientific problems by the researchers.